

Памяти погибших

Волна прошла водоразделом...

Над усмирением в августе 2009 года Енисеем с надрывным криком кружатся белые-белые чайки. Может, это не птицы, а души невинных страдальцев – жертв техногенной аварии на Саяно-Шушенской ГЭС? Простите всех, кого вы оставили на этой земле. Простите тех, кто нанес вам обиды, и тех, кто любил вас преданно и беззаветно. Сердца ваших родных и друзей и сегодня стучат любовью к вам вопреки безнадее разлуки. Их муки начались еще до аварии, когда будущее стало врываться в настоящее тяжелыми предчувствиями, страшными снами и даже пророческими видениями среди ясного дня...

Взглянули
в глаза судьбе

Нина Безрукова уверена - Господь подготавливал ее к принятию неизбежного:

- За месяц до трагедии у меня из головы не выходило: я хороню Сашу. Ругала себя, командовала мыслям – стоп! Ночью просыпаюсь, гляжу на Сашу – жив! Днем тоска навалится, и в голове опять – хороню Сашу. Сижу, думаю, как я буду без Саши помогать его маме.

За неделю до аварии на Саяно-Шушенской ГЭС Валентина Кытманова вышла за калитку дачи проводить сына. Их взгляды встретились, и что-то в выражении глаз Андрея, какая-то темная провальная яма в его зрачках дохнула в лицо матери неземным холодом, среди летнего зноя ознобом свела ее плечи. Ночью она внезапно проснулась оттого, что трещали и стонали стены, слышалась тяжелая поступь и горестные вздохи невидимого полуночника. Так повторялось каждую ночь вплоть до понедельника - 17 августа, и женщина потеряла покой, но душа ее отказывалась принимать надвигающиеся события...

- Я постоянно прокручиваю в памяти последнее лето Андрея, - комкает в руках мокрый от слез платочек Валентина. - Меня постоянно терзал страх потерять сына. Да, да, в голову то и дело лезли мысли - не дай Бог, Андрюшку потеряю... А однажды толи во сне, толи наяву вижу похороны... Яркое-яркое солнце, море цветов, народ, пурпурный гроб... Не знаю, кто в гробу, но понимаю, что хороню сына.

- У меня было предчувствие, что мы скоро расстанемся, но по какой причине – не знала, - в унисон Валентине Кытмановой говорит Елена Малик. - Бывало, Андрей обнимет меня, а я ему: «Мне страшно...». Он удивляется: «Почему?». Отвечаю: «Мне страшно оттого, что все так хорошо. Чувствую, это скоро кончится». Он только усмехается: «Куда я от вас денусь?».

А Валентине Нелидовой еще за три года до августовской аварии на гидроэлектростанции приснилось, будто с гор льется, затапливая все и всех вокруг, вода. Плеск, отчаяние, ужас в глазах людей... Мгновение – и шумный поток плавно выносит ее с дочками на сухой бугорок, а голова мужа Сергея исчезает в пучине. Он постоянно твердил жене, что

уйдет первым. «Почему?» - смеялась она. «Чувствую», - серьезно отвечал он.

Маму маленького Володи Овчинникова, Елизавету Коптеву, часто посещали странные желания: остался бы он навсегда ребенком... Колокол учащал движение в ее груди:

- Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Теперь она пытается размотать клубок нелепых мыслей и уже почти убеждена, что на бессознательном уровне знала тайну будущего сына, где хоронилась трагическая гибель в расцвете сил. Ее бессмертная душа томилась, смиренно наблюдала приближение неизбежного и, как свежая рана, истекала тревогой и тоской на всю длину материнской любви...

За год до трагедии чудной сон приснился сватье штукатур-маляра Саяно-Шушенского Гидроэнергоремонта Наталье Семкиной - Вере Афанасьевне Бахтиной. Явился ей муж, оставивший земную юдоль в 50-летнем возрасте. Будто подходит он к жене и предлагает: «Поедем со мной». Она категорически против: «Нет, нет и нет!». Вдруг видит – о, Боже! - с ее мужем соглашается ехать какая-то невысокая светловолосая женщина. Присмотрелась – Наталья! Стоит, а вокруг нее много-много чемоданов.

Через 12 месяцев открылась трагическая суть вешего сна: не в одиночестве отправилась в дальнюю дорогу Наталья Семкина. Вместе с ней бранные пожитки собрали еще 74 человека...

В последние дни перед трагедией тревога витала в душах дочерей Натальи Семкиной. Ольге из ночи в ночь снились зубы – и здоровые, и больные. У Саши всю неделю болела голова, душа томилась в груди. Она не могла понять, что происходит с ней. В один из дней - тревожно, сердце бешено колотится - только приклонила голову к подушке, как перед внутренним взором развернулась иная реальность: толпа народу, пурпурный гроб, похоронная процессия... Холод тяжелого предчувствия пронзил ее до самых ног...

Татьяна, вдова 25-летнего слесаря турбинного цеха Андрея Дубова, тоже чувствовала приближение беды. Перед свадьбой и потом, до беременности, в снах Татьяна теряла любимого. Андрей погибал, а она скорбела о нем и о том, что не успела родить от него ребенка.

- В ночь с 16 на 17 августа он приснился моей маме в рабочей одежде и в темном месте, - рассказывает Татьяна. - Они обнимались, а обниматься во сне – знак прощания.

...За два дня до трагедии Наташа, дочь уборщицы цеха технического обслуживания и эксплуатации Саяно-Шушенского Гидроэнергоремонта Любови Дугиной, ночевала у матери. Только закрыла глаза, как оказалась неизвестно где. Кругом народ, народ, народ... Будто сидит она около гроба матери и всматривается в неподвижное лицо. Сознание подсказывает - это она, мама... Наташа проснулась бледной и вялой, что не прошло мимо внимания мамы:

- Что с тобой? Плохой сон увидела?

Слесарь электроцеха СШ ГЭР Дмитрий Колесниченко любил свою работу, но 17 августа погиб в недрах машинного зала

- Приснилось, что я тебя хорошила и в гробу не узнала, - вымучила из себя Наташа.

Любовь Николаевна прищурила глаза, будто примеряя свои ощущения грядущих событий к рассказу дочери, и уже открыла рот, но почему-то передумала комментировать сон.

Перечень можно продолжить. Так, в одну из летних ночей 2009 года Наталья Жуликова долго не спала - читала книгу о житие иеромонаха Самсона. Внезапно всем своим существом прочувствовала истину строчки, в которой говорилось, что верующим иногда бывают видения. Жуткий испуг током ударил в ее сердце. Одновременно на секунду включился яркий-яркий свет в квартире - не электрическая лампочка, а какое-то неземное сияние озарило каждую пылинку в углу, каждую точку на обоях.

- После этого я уже точно знала - что-то случится, - обреченно вздыхает она.

Поплыла
беда водою...

Вот уже три года мы задаемся вопросом: неужели никто из сотрудников СШ ГЭС и СШ ГЭР не видел и не чувствовал неполадки в работе агрегата №2? Ответ – видели и чувствовали.

Например, слесарь-сантехник Саяно-Шушенского Гидроэнергоремонта Юрий Вакушин за неделю до трагедии стал терзаться тяжелыми предчувствиями.

- Он говорил: «Света, скоро на ГЭС случится что-то нехорошее. Там такая вибрация, такие перебои в работе агрегата. Вот где лежат ключи от гаража, вот мои документы», - рассказывает Светлана Вакушина. - И так – каждое утро, каждый обед. Ну, почему тогда я отмахивалась, не придавала значения его словам? На станции никто, кроме Юры с его музыкальным слухом, ничего не замечал...

Далее... В мае сварщик СШ ГЭР Дмитрий Синявский ку-

пил хорошую машину, а в июле взял отпуск и 20 дней отдыхал с невестой Инной на озере Тагарском. Предчувствовал ли он, что дни его сочтены? Родители уверены – да:

- Дима работал на 320-й отметке, приходил домой и делился неприятными ощущениями. Мол, в машинном зале ощущаются вибрации, стоит грохот. «Аж мурашки по коже», - говорил...

За год до августовской аварии мама и сестры работника оперативной службы Саяно-Шушенской ГЭС Вячеслава Жданова спросили, как дела на работе. Неожиданно для всех он серьезно ответил, что в любой момент может случиться все, что угодно. Мол, оборудование старое, какие-то масляные лампочки постоянно взрываются...

Примерно за год до аварии на Саяно-Шушенской ГЭС Маша Жданова задержалась в гостях в Черемушках и жутко опаздывала в Саяногорск. Брат как почувствовал - позвонил и примчался за ней в мгновение ока. Скоростная езда захватывала дух, в сестринских глазах плескался страх... «Куда торопиться?» - вжалась в кресло Маша, а Вячеслав, как обычно, ослепительно улыбнулся ей в ответ: «Кому суждено утонуть, тот не разобьется!». Вдоль дороги плавно, как в предгрозовой тиши, нес свои студеные воды любимец Саян Енисей...

За неделю до трагических событий на Саяно-Шушенской ГЭС неизбежное будущее вырвалось из своих жестких временных рамок, приблизилось к Наталье и ее мужу Александру Заворину - слесарю турбинного цеха Саяно-Шушенского Гидроэнергоремонта, опухло и задело их своим леденящим крылом. В тот день они спокойно шагали по Черемушкам и случайно встретили знакомого.

- Саш, люди говорят, что в машинном зале ГЭС все трещит, громыкает, вибрирует. Не боишься? – от нечего делать ляпнул

беспечный человек и ослепительно улыбнулся собственной глупости.

- Ну, и что? – хохотнул в ответ Александр, обнажив 32 здоровых и красивых зуба. - Случится - все там останемся, как в подводной лодке «Курск».

Людмила, жена погибшего 17 августа 2009 года слесаря-сантехника СШ ГЭР Николая Тюленева, говорит, что дома муж про работу редко разговаривал. Накануне аварии ночью его вызвали на станцию. Николай вернулся под утро уставший, раздраженный и сказал: «Когда-нибудь рухнет там все».

За четыре месяца до аварии сотруднику группы измерений ЭТЛ Дмитрию Ермольеву приснился сон. Будто на Красноярской ГЭС техногенная авария... Кругом вода, суматоха, безысходность, грязь. Люди пытаются остановить неумолимый и безжалостный поток, но тщетно... Утром он рассказал жене сон и добавил: «Знаешь, меня до сих пор не покидает ощущение реальности произошедшего во сне. Мне по-настоящему страшно...».

Он рассказывал свой сон не только супруге, но и своим коллегам в группе. Тогда все смеялись, потому что никому и в голову не могло прийти, что нечто подобное может случиться на самом деле.

Жаль, что мы не умеем прислушиваться к своей интуиции. Но христианская мораль успокаивает: там, за чертой бытия, души мучеников земных вечной радости свет обнимают. Им нужны наши любовь и память.

Наверное, аллея памяти, о закладке которой впервые заговорили в Черемушках и Саяногорске накануне второй годовщины со дня аварии на СШ ГЭС, «легла бы на души» и живым, и мертвым. Но время мчится птицей, а землеотвод и прочие сопутствующие вопросы закладки аллеи пока топчутся на месте...

Нина БОГАТЫРЕВА